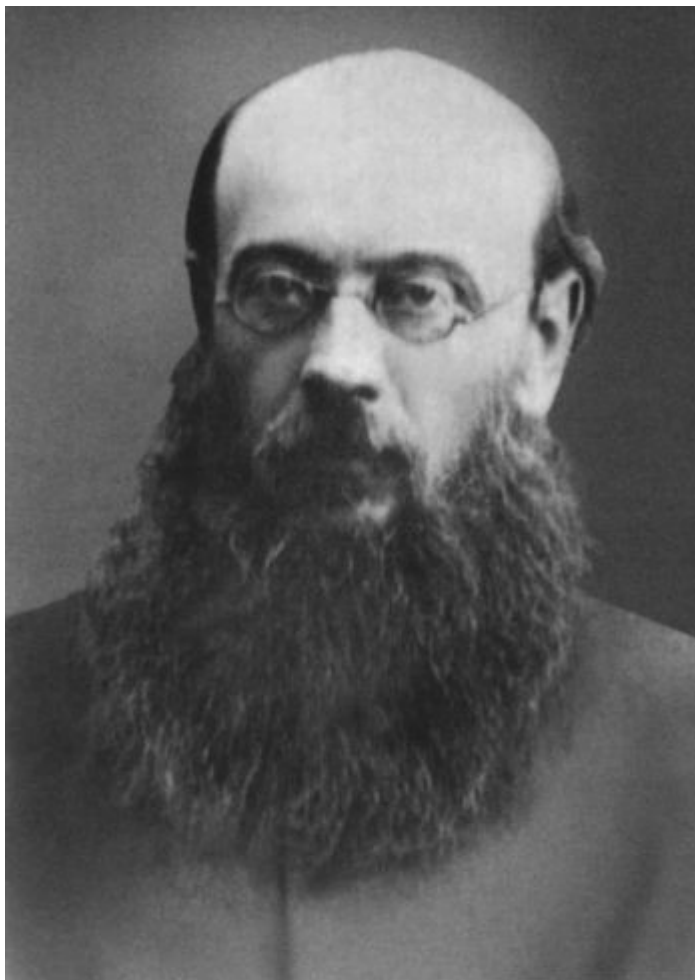

ПО СЛЕДАМ КРОПОТКИНА

В. А. Маркин Кропоткин

В. А. Кропоткин

“ Другие по живому следу
Пройдут твой путь, за пядью пядь...

Борис Пастернак

Многие из москвичей и гостей столицы, каждый день проезжающих мимо станции метро «Кропоткинская», не задумываются над тем, чьим именем названа эта станция, прежде именовавшаяся «Дворец Советов». А у тех, кто помнит это имя, мнения различные: говорят, что Кропоткин — последний декабрист, революционер-народник, анархист, исследователь

Сибири, историк, философ, писатель. И все они правы. Ошибаются только те, кто скульптуру бородатого мужчины со скрещенными на груди руками, воздвигнутую недалеко от станции метро, принимают за памятник Кропоткину. На самом деле это друг и соавтор Карла Маркса лондонский фабрикант Фридрих Энгельс, с которым Кропоткин во многом, мягко говоря, не соглашался. Неизвестно почему (ведь Энгельс никогда не бывал в Москве) этот памятник появился в 80-х годах прошлого века на Кропоткинской (ныне Пречистенской) площади.

О Кропоткине напоминает мемориальная доска работы скульптора С. А. Меркурова на стене дома, в котором он родился в 1842 году. Переулок, последний перед Зубовской площадью, прежде бывший Штатским, и сейчас называется Кропоткинским. Он был переименован по постановлению Московского Совета после смерти П. А. Кропоткина. Когда в ночь с 7 на 8 февраля 1921 года он скончался в подмосковном Дмитрове, в московских и петроградских газетах были помещены пространные некрологи, в которых говорилось, что умер один из старейших русских революционеров, «борцов против самодержавия». Но в них не упоминалось о том, что он был наследным князем из старинного рода Рюриковичей, основателей государственности на Руси. Он принадлежал к элите, к кругу избранных, «лучших людей», состоял пажом при императоре Александре II, но неожиданно для всех добровольно отправился в Сибирь, избрав для службы самое удаленное от столицы Амурское казачье войско. Как чиновник-офицер, получавший задания, связанные с разъездами, по собственной инициативе провел несколько исследовательских экспедиций, научные результаты которых были столь значительными, что он встал в ряд ведущих географов России. Но при этом он присоединился к народническому кружку, ведущему революционную пропаганду против самодержавия.

Миновало почти 90 лет со дня смерти Петра Алексеевича Кропоткина. Конечно, о нем не забывают те, кто и сейчас считает противоестественной и антинародной всякую централизованную, выстроенную по вертикали государственную власть, то есть анархисты, по сей день существующие во многих странах мира, в том числе и в России. Вместе с Прудоном и Бакуниным Кропоткин остается вдохновителем мирового анархизма и других левых движений. Знаменитый Эрнесто Че Гевара признавался, что с юности изучал идеи Кропоткина. О нем часто вспоминают и современные антиглобалисты. Помнят его и биологи, согласившиеся с тем, что взаимопомощь между живыми организмами не менее важна для развития вида, чем борьба за существование, и обнаружившие, что приобретенные в процессе жизни признаки (прежде всего особенности поведения) могут передаваться по наследству, включаясь в генетический код. А это интуитивно предсказал Кропоткин задолго до открытия генов и тем более «гена альтруизма», о реальности которого говорили российские генетики Л. А. Астауров и В. П. Эфроимсон.

Без сомнения, Кропоткина не забывают ученые, работающие в области наук о Земле и оценившие умение Кропоткина комплексно рассматривать эти науки, находя связи между ними, способствуя своими работами становлению таких научных дисциплин, как геотектоника, геоморфология, палеогеография, гляциология. Его книга «Исследования о ледниковом периоде» считается классическим, фундаментальным трудом, и современные географы в своих работах часто ссылаются на него.

П. А. Кропоткин признан и как историк: его фундаментальная книга «История Великой французской революции» — одно из серьезнейших исследований на эту тему. К концу жизни своим главным делом он считал философский труд «Этика», над которым работал до последнего дня жизни. Незаконченная рукопись второго тома осталась на его рабочем столе. Слово «совесть» было последним написанным его рукой словом. Так получилось. И это слово — ключевое для понимания образа Кропоткина, его идей и деяний.

Как сформировался этот человек, что более всего повлияло на его развитие и соединило противоречивые тенденции в удивлявшую многих гармонию? На мой взгляд, феномен Кропоткина питали три источника: природа, с которой он всегда был близок, культура, к которой приобщился с детства, и окружавшая его сложная, многообразная жизнь России и Европы второй половины XIX и первой четверти XX столетия. Он не стоял в стороне от этой жизни, а активно в ней участвовал, чувствуя тенденции ее развития. Несмотря на свое происхождение и воспитание, Кропоткин понял, что правы те представители образованного, мыслящего меньшинства, кто считает необходимым изменение политического строя в России в сторону его большей демократизации, а не сохранения единовластной монархии с ее произволом и несправедливостью по отношению к социально незащищенным слоям общества. Он выбрал для себя путь Радищева, декабристов, Белинского, Писарева, Чернышевского, Бакунина. Рядом с ним были Берви-Флеровский, Щапов, Лавров, народовольцы, прошедшие многолетние испытания царской тюрьмой, каторгой и ссылкой. Хотя был и такой человек, как Лев Тихомиров — близкий товарищ по кружку «чайковцев», после многих лет революционной работы резко переменявший убеждения и сделавшийся яростным защитником самодержавия как исконно русской формы государственности.

В ответ на вопрос анкеты Дмитровского союза кооператоров в 1920 году, за несколько месяцев до смерти, Петр Алексеевич Кропоткин записал: «Учусь у себя дома и в жизни». Так оно и было: этот человек, формально не имевший диплома о высшем образовании, всю свою жизнь учился. Известнейший библиофил и писатель Николай Рубакин писал, что Кропоткину «выпало на долю величайшее счастье — принадлежать к числу тех, относительно очень немногих гениев и друзей человечества, ум которых... вмещает в себя все главнейшие отрасли человеческого знания, и при этом вовсе не представляет... их склад, а их химическое соединение — синтез. И не только их синтез без всякой социальной и нравственной оценки, а именно с нею...».

* * *

Автора этой книги судьба неоднократно странным образом как бы выводила на следы, оставленные человеком, имя которого ему знакомо с детства. Когда мне было 10–12 лет, я вместе с родителями временно проживал в московской коммунальной квартире, на первом этаже семиэтажного дома в Кропоткинском переулке. Рядом находился Институт судебной медицины имени В. П. Сербского, печально известное место заточения диссидентов 60–70-х годов XX века, а на противоположной стороне переулка — одноэтажный особняк с колоннами. На его стене я каждый день мог видеть мемориальную доску с барельефом человека с длинной библейской бородой и надпись, гласящую, что в этом особняке в 1842 году родился Петр Алексеевич Кропоткин. О том, кем был этот бородач, я узнал из

двухтомной книги, вышедшей в свет еще до войны в издательстве с загадочным названием «Academia». Я нашел ее в книжном шкафу хозяев комнаты, предоставивших ее нашей семье на время своего отсутствия. Книга была издана в 1933 году с предисловием Ивара Смильги, фамилию которого как «врага народа» во всех других книгах беспощадно замазали тушью или фиолетовыми чернилами. Название книги — «Переписка братьев Петра и Александра Кропоткиных». Так что я с детства запомнил эту фамилию, к тому же звучавшую в названиях переулков, улицы, соединяющей Кропоткинскую площадь с Зубовской, а также площади Кропоткинские Ворота, где располагался ажурный павильон одной из первых в Москве станций метро, называвшейся тогда «Дворец Советов».

В 1956 году в Институте географии АН СССР под руководством Г. А. Авсюка, геодезиста и гляциолога, члена-корреспондента Академии наук (потом он стал академиком), формировались три экспедиции, которые должны были исследовать ледники Полярного Урала, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. На 81-82-м градусах северной широты располагается наиболее близкий к Северному полюсу архипелаг нашей планеты, западная группа островов которого названа именем Кропоткина, поскольку он предвидел случайное открытие этого архипелага австро-венгерской экспедицией в 1873 году, исследовав данные морского офицера Н. И. Шиллинга о распределении морских течений в Северном Ледовитом океане. Обстоятельства сложились так, что по окончании географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова я был включен в состав той экспедиции, что отправилась именно на Землю Франца-Иосифа.

Работая с гляциологическими экспедициями на ледниках, я не мог пройти мимо классического труда «Исследования о ледниковом периоде» и других научных работ Петра Алексеевича Кропоткина, одного из ведущих деятелей Русского географического общества в XIX веке. В 1961 году мне довелось проводить снегомерную съемку на острове Земля Александры, где находился имеющий форму купола ледник Кропоткина. Позже, в сентябре 1969 года, я участвовал в международном симпозиуме по гидрологии ледников, проводившемся в английском городе Кембридже. У меня имелся лондонский адрес человека, который был хорошо знаком с Кропоткиным, — Джорджа Кунелли, в то время вице-президента общества «Великобритания — СССР». С помощью моего друга шотландского геолога Джеффри Боултона на его машине я отправился в Лондон. В городе нас встретили чудовищные пробки, и мы с большим трудом добрались до дома, в котором жил Кунелли. Было потеряно много времени, и я смог посвятить разговору о Кропоткине не больше получаса. Мой уже очень пожилой собеседник, выходец из России, вспомнил о том, с какой необыкновенной добротой отнесся этот всемирно известный человек к нему, беглецу из сибирской ссылки, молодому участнику революционных событий 1905 года в Одессе. Кропоткин буквально спас его, помог найти свое место в жизни. Очень ценно было получить хоть какое-то свидетельство человека, общавшегося с Кропоткиным, дом которого я столько раз видел в детстве.

Долгий жизненный путь Петра Алексеевича начался в Сибири, куда он попал девятнадцатилетним выпускником Пажеского корпуса. Там он соприкоснулся с могучей природой, почти не затронутой человеческой деятельностью, и стал ее исследователем, а кроме того, познакомившись со множеством людей, живших тогда в Сибири, начал понимать, как писал он, «скрытые пружины общественной жизни...».

Как подарок судьбы воспринял я возможность побывать в тех местах в Сибири, где проходил Кропоткин в своих экспедициях. Находясь в сентябре 1981 года в командировке в Иркутске, я слетал на два выходных дня в Бодайбо — город золотоискателей на берегу Витима. Старый биплан Ан-2 пролетел над гольцами и реками, среди которых пролегал маршрут последнего сибирского похода Кропоткина. Я побывал на склонах хребта, названного именем Кропоткина географом и геологом Владимиром Афанасьевичем Обручевым, и в поселке Кропоткин, бывшем прииске Тихоно-Задонском, откуда отправилась на юг, к Чите, Олёкминско-Витимская экспедиция, возглавлявшаяся есаулом Амурского казачьего войска князем Кропоткиным. В Сибири многое хранит память о нем. Его следы обнаруживаются в Саянах, на Байкале, на реках Амур, Шилка, Сунгари, в Иркутске, Чите, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, в прославленном столетие спустя Евгением Евтушенко городе Зима...

Многое связано с именем Кропоткина и в Санкт-Петербурге. Прежде всего это дом Русского географического общества у Чернышева моста, в теперешнем переулке Гривцова: над лестницей, ведущей к конференц-залу, среди портретов выдающихся русских географов есть и портрет Кропоткина, работавшего непосредственно в обществе в течение тринадцати лет.

На Сибирь пришлось всего пять лет долгой жизни Кропоткина, но в восемь раз более продолжительное время — свыше сорока лет — провел он в Западной Европе, преимущественно в Великобритании. Следы его пребывания можно найти на севере, в центре и на юге Европы, а также в двух странах Северной Америки: в США, где он впервые рассказал американцам о русской литературе в курсе лекций, прочитанном в Бостоне, и в Канаде, где помог организовать переселение из России большой группы гонимых царским правительством духоборов. Мне довелось встречаться с их потомками, до сих пор живущими в Канаде, во время Всемирного конгресса соотечественников в Москве. Они хорошо помнят Кропоткина.

...Наконец, подмосковный город Дмитров, в котором прошли последние два с половиной года жизни П. А. Кропоткина. Вернувшись после Февральской революции 1917 года на родину, восторженно встреченный, призвавший к единению правых и левых сил, но разочарованный в том, по какому пути пошла революция, он в Дмитрове, говоря словами Пастернака, «окунулся в неизвестность»... Но его похороны были значительным событием в Москве 1921 года, на шестом году после октябрьского большевистского переворота. Многотысячная процессия проследовала от Колонного зала Дома союзов по Пречистенке, мимо дома Льва Николаевича Толстого, исключительно тепло относившегося к Кропоткину. Процессия остановилась перед домом Толстого, из него вынесли бюст великого писателя, и хор Большого театра исполнил православное песнопение «Вечная память». Потом состоялись похороны на Новодевичьем кладбище, где скромная могила Кропоткина разместилась недалеко от могилы Антона Павловича Чехова. На обелиске надпись: «Путешественник по Сибири и Дальнему Востоку» — были времена, когда его разрешалось знать только в этом качестве.

Главное, что осталось после Кропоткина, — его книги, изданные еще при жизни автора во многих странах мира и переиздающиеся по сей день. Они существуют более чем на

двадцати языках, вплоть до иврита, эсперанто и японского, на котором, кстати, в 1928–1929 годах издано собрание сочинений Кропоткина в двенадцати томах. В эти тома вошли далеко не все его изданные произведения; в них отсутствует и то, что осталось в рукописях: наброски и варианты статей, тексты выступлений на митингах и различных собраниях, многочисленные письма на русском, французском, немецком, итальянском языках, адресованные корреспондентам из многих стран мира.

Библиография научных и публицистических работ Кропоткина включает в себя более двух тысяч названий; некоторые публикации анонимны, и предстоит еще установить их авторство. Его письма, рукописные материалы и документы находятся в архивах многих стран мира — в Великобритании, Франции, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, США, Канаде, Аргентине. Большая часть их, конечно, хранится в России. Основная часть материалов П. А. Кропоткина сосредоточена в специальном фонде 1129 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в Москве. В пяти описях этого фонда — более шести тысяч единиц хранения. Достаточно много кропоткинских документов обнаруживается в других именных фондах ГАРФ, а также в различных архивах Москвы (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Российский государственный архив литературы и искусства, Военно-исторический архив и др.) и Санкт-Петербурга (Архив Русского географического общества, Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки, Пушкинский Дом и др.). Многого можно найти в Иркутске, Чите, Томске, Дмитрове. Исследование всего этого обширнейшего наследия продолжается.

Совершенно невероятными были порой пути, выведившие на следы Кропоткина. В 1994 году, работая в Норвегии, я обнаружил в старых местных газетах информацию о пребывании Кропоткина в этой стране и посвященную ему статью датского литературоведа Георга Брандеса. Возвращаясь в Москву, я не мог не остановиться в Стокгольме, чтобы посетить Институт международного рабочего движения, где обязательно — я был уверен — должны были найтись материалы о пребывании Кропоткина в этом городе, через который он проезжал по пути в Россию после Февральской революции 1917 года. И такие материалы там удалось найти.

Неожиданным было встретить имя Кропоткина в Центре имени А. Д. Сахарова в Москве. Один из музейных экспонатов — протокол обыска на квартире арестованного НКВД в 1940 году всемирно известного генетика Николая Ивановича Вавилова. Среди книг, конфискованных у него, упомянуты «Записки революционера» П. А. Кропоткина, изданные в 1933 году. Она издавалась в нашей стране 13 раз и была переведена на десятки иностранных языков. Влияние этой мемуарной книги испытали на себе многие люди в разных странах мира. В том числе, видимо, и великий русский генетик Н. И. Вавилов, павший жертвой государственного сталинского терроризма.

...Так постепенно собирался материал для этой книги. Но как ее построить? Можно сделать это традиционно: изложить биографию последовательно, начав с рождения, перечислить основные события жизни и плавно подойти к печальному финалу. А можно найти начало там, где шло формирование личности замечательного человека, что позволило назвать книгу о нем и всем, что с ним связано, кратко, одной фамилией — Кропоткин. Он стал Кропоткиным в Сибири, куда решил уехать, отказавшись от всех блестящих карьерных

